

— Приехали в Калининград - зимы, конечно, никакой, плюс пять градусов, ветер западный. Дважды ездил за янтарём и оба раза совершенно безрезультатно. Зато прогулялся во второй раз великолепно - от Русского до Приморска, 4 часа шлёпал километров 16, из них 10 по песочку берега моря против сильного ветра. И ни куска.

16 декабря (минус три градуса, мелкий снег) ездили на Прохладную в Светлое: Смертин, Кондратьев, ещё двое и я. За неделю до этого Серёжа отловил там пять налимов. В этот же раз Кондратьев поймал 3 налима, Смертин - 2, остальные - по одному. Ловили спиннинговыми донками, а я обычными закидушками. Хорошо клевало утром и вечером на червя и на кусочки плотвы, причём только в одном месте, словно там все налимы в одну кучу сбились.

— **18 декабря** в кирху явились двое приехавших из Спецсектора ИФЗ от Кевлишвили - Кудрявцев и молодой человек - программист. Перед ними была поставлена задача выяснить на месте: что мы можем сделать буквально сейчас, за месяц, если Спецсектор предоставит нам в полное распоряжение свою собственную ЭВМ - М4030. Им очень хотелось бы своих собственных заказчиков поскорее чем-нибудь удивить-порадовать.

— Долго мы им растолковывали, что эта машина слабенькая и наши задачи не потянет. Убедили их наши программы и описания к ним; вообще же грамотность их оставила довольно удручающее впечатление.

— **23 декабря** снова ездили со Смертиным на Прохладную на то же место. В этот раз абсолютно глухо, ни одной поклёвки.

24 декабря. От плюс одного до нуля градусов. Начало холодной зимы.

— **30 декабря.** На Верхнем озере всю ловят густёру. Возвращаясь с базара, проторчал там и я с час (удочку с собой из дома прихватил, когда на базар отправлялся), поймал одну для насадки на судака.

— **31 декабря 1984 г.** Температура воздуха минус три градуса, давление 761-751 мм, ветер южный, слабый.

— Открытие зимнего сезона. Ездили с Серёжей в Зеленоградск. Ловили в районе 8-го километра. Толщина льда 8-10 см. Серёжа поймал двух судаков, а у меня ни одной поклёвки. После 12-ти ни у кого не клевало. А я дёргался - с первых своих лунок ушёл к Серёже, а на моём месте парень потом трёх судаков вытащил и, уходя, сказал: - Спасибо, отец, хорошие у тебя лунки были.

Начался нынешний 1985-й год.

— **4 января.** Температура воздуха от -7 до -12 градусов, давление 732-738 мм, переменный ветер, ветер восточный, умеренный.

— Ездили в Лесное: я, Серёжа, Смертин, Саенко и Ваня Карпов. Ваня - в первый раз на зимнюю рыбалку. Я его полностью экипировал, снабдил удочками, проолифенными штанами, рукавицами, рюкзаком, стульчиком, черпалкой. И надо же - в Зеленоградске мы первым делом потеряли Ваню при штурме автобуса на Лесное, он там заметался, побежал звать Серёжу, который сначала бросился к кассам, а потом к автобусу. Серёжа-то в автобус влез, а Ваня не успел, и обнаружили мы это, когда автобус уже поехал. Решили ждать Ваню в Лесном. К счастью, он сумел сесть на следующий автобус, и в Лесном наша компания воссоединилась.

— Ловили мы справа от Лесного, километрах в полутора от берега. С 10.30 до 14.00 я поймал четырёх вполне приличных судаков, Серёжа - 3, Саенко и Ваня по 2, Смертин - одного маленького судачка. У Саенко, как и у Вани, это были первые выловленные из-под льда судаки.

— На берег мы вылезали напролом через камыши, и я, прокладывая тропу, провалился в грязь выше колен, полные сапоги ледяной воды набрал. Саенко отдал мне свои валенки, которые были у него в рюкзаке, но штаны ватные всё равно, конечно, были мокрые. К счастью, когда мы выбрались на шоссе, нас тут же подобрал попутный автобус, и через 20 минут мы были уже в Зеленоградске.

2 марта 1985 г., Ту-154, Иркутск-
Москва

Осипов, оказывается, с Валентином Распутиным чуть ли не друзья детства.

— Один сибиряк отдыхал в Средней Азии. Там его местный житель расспрашивал, как, мол, живётся?

— Да, хорошо, - говорит, - зверя много, рыбы, тайга, природа красивая, хорошее место.

— Это ты брось, так я тебе и поверил, хорошее место Сибирью бы не назвали.

— С 5 по 22 января морозы стояли от -17 до -21 градуса по утрам. По всей Европе рекордно холодная зима.

— А Сашуля ремонт затеяла - надо, мол, успеть до тех пор, когда Иринка родит, а то с младенцем уж не сделаешь. Я протестовал, как мог: куда спешить? Но обои в прихожей были содраны - Митя постарался, и началось... От краски я дурел и злился - на работе устаёшь, а с этим ремонтом и вовсе очумеешь; вместо того, чтобы на рыбалки ходить, бодягу развели, которой не видно ни конца, ни края...

— Но на рыбалки я всё равно, конечно, ходил.

24 января ездили в Лесное: Серёжа, Ваня, Кореньков и я. Долго не могли выбраться из Зеленоградска. Ловили с 11 до 13 прямо напротив Дома рыболова, минутах в двадцати ходьбы от берега. Серёжа поймал 7 судаков, я - 3, Ваня - 2, Кореньков только перед самым уходом сменил блесну и выдернул двух подряд, небольших. Судаки мелкие, а клюют хорошо, видать, оголодали. Бродили потом по заливу, искали, не ловят ли где плотву - нет, никто не ловит, везде судака блеснят.

В этот день приехали Дима с Иринкой на каникулы. Сессию оба сдали без троек.

— **3 февраля** ездили с Серёжей в Знаменку. С погодой не повезло - пурга, сильный северный ветер. По льду шли против ветра чуть ли не ложась на него, целый час так брели. На лунках посидели часа полтора. Снегом моментально заносило всё - и барахло, и лунки, и наши рожи. По небольшому судачку мы, однако, вытащили и вернулись на четырёхчасовом дизеле. Когда обратно шли, какой-то мужичок ещё на льду увязался за нами, а потом всё нудил: - Я думал, вы короткую дорогу знаете, а вы вон какого кругаля даёте, - хотя шли мы правильно. Редкостный зануда попался.

— Судачка я на следующий день уже отвёз в Сестрорецк. Тётя Тамара была очень довольна и уверяла, что это порционный судачок, такие, мол, - самые вкусные, у них мясо нежное, не то, что у здоровых.

— А в Ленинград я поехал, чтобы пообщаться с Брюнелли и, предполагалось, с Маттиасом Фёрстером, который через Вагнера и ИЗМИРАН телетайпировал мне, что будет с 26 января по 10 февраля в Ленинграде и хотел бы встретиться со мной. Я телеграфировал ответ, что постараюсь приехать, и написал Брюнелли, что если он будет в это время в Ленинграде, я обязательно приеду.

— Брюнелли прислал телеграмму: "Нахожусь Ленинграде больнице работоспособен Ваш приезд крайне желателен". Я заказал билет на самолёт на 4 февраля, а в пятницу, 1 февраля в кирху позвонил из Ленинграда из ААНИИ Слава Уваров и сообщил, что Маттиас ждал меня всю эту неделю, а в субботу, то есть завтра уезжает.

— Как завтра? Он телетайпировал, что будет в Ленинграде до 10-го!

— Оказалось, что в телетайпограмму по дороге через ИЗМИРАН вкралась ошибка, Маттиас планировал быть в Ленинграде только неделю. Слава дал мне номер гостиничного телефона Маттиаса, я заказал из кирхи разговор по срочному тарифу и больше часа говорил с ним по телефону, подробно отвечая на все интересовавшие его вопросы по физике и моделированию ионосферы.

— Так что в Ленинграде в этот раз у меня было только одно дело - обсудить с Б.Е. ход нашей работы над книгой. Б.Е. лежал в больнице Академии Наук, что в Сосновке (на проспекте Мориса Тореза), где когда-то работала сестрой-хозяйкой тётя Люся Мороз. У Б.Е. ещё в мае прошлого года (когда мы вместе были в Ольгино на пудовкинском симпозиуме) открылась старая военная рана на ноге и не хотела заживать, шёл какой-то воспалительный процесс. Наконец, недавно в январе лучший хирург Ленинграда взялся прооперировать ногу, вырезал кусок мяса, и дело как будто бы резко пошло к лучшему, по мнению Б.Е., во всяком случае.

— Он выглядел вполне бодро, ходил с палкой, хромая, но ходил - после операции уже. Условия в больнице у него прекрасные, отдельная палата вроде одноместного номера в гостинице "Академическая". Мы встречались дважды по четыре часа, обсудили написанное, составили черновик развёрнутой аннотации - заявки-обоснования на повышенный объём (40 печатных листов вместо положенных 20).

— Видел я и Людмилу Михайловну. Выглядит она хорошо, просила меня поуготовить Б.Е. немедленно уходить не только с поста замдиректора ПГИ, но и вообще на пенсию, во всяком случае с Севера уехать. Б.Е. же ещё колебался - уходить ли совсем, и склонялся к тому, чтобы остаться старшим научным сотрудником.

— Из Сестрорецка я позвонил как-то вечером Авакяну, и он, конечно, тут же стал звать к себе в гости. До сих пор все его такие попытки были безрезультатными. Теперь я, наконец, согласился. Серёжа делился своими переживаниями в связи с перипетиями начавшейся у него предзащитной страды (я ещё в Ольгино обещал ему быть оппонентом его докторской). Его долго не выпускали из ГОИ, дважды проходила предзащита, тоже интриги всякие, а теперь в ИПГ его диссертацию Власов изучает, тому Авдюшин это поручил - рассмотреть предварительно, может ли их Совет принять её к защите.

2 марта 1985 г., Ту-134, Москва-Калининград.

В Сестрорецке я пообещал тётке Тамаре и дяде Вове, что вернусь электричкой 23.15, то есть что в начале первого буду дома, а если задержусь паче чаяния у Авакяна, обязательно позвоню от него.

Однако звонить не пришлось, мы вовремя закруглились, Серёжа проводил меня до Ланской и посадил в электричку. В электричке я задремал... И сквозь дрему вдруг слышу: "Следующая остановка - платформа "Курорт". А "Курорт" - это следующая за Сестрорецком остановка. Неужели я Сестрорецк проспал? Оглядываюсь - в вагоне никого, окна замёрзшие и в них ничего не видно, электричка идёт полным ходом. Может, мне послышалось?

Выхожу в тамбур. Электричка останавливается, я высовываю голову из дверей, на платформу не выхожу, пытаюсь определить, что это за остановка. Может, Александровская какая-нибудь, выскочишь, а потом жди следующей электрички или топай до Сестрорецка. Повертев головой, разглядел, наконец: "Курорт", и в этот момент двери закрылись, и я поехал дальше - в Белоостров.

— Проспал, значит. Ну, что поделаешь теперь, остаётся сидеть в вагоне и ждать, когда электричка обратно из Белоострова в Сестрорецк пойдёт.

— В Белоострове я, однако, вышел на перрон и спросил у помощника машиниста, стоявшего в открытых дверях хвостовой кабины электрички:

— - Когда обратно поедет?

— Ответа я не дождался, потому что в этот момент электричка тронулась и покатилась... вперёд, дальше, на Дибуну. Значит, это была круговая, и хорошо, что я вылез здесь, а то увезла бы она меня обратно в Ленинград, но не через Сестрорецк, а через Песочную.

— На платформе я остался один. Время - полпервого, в Сестрорецке уже, наверное, волнуются. Пошёл на вокзал, смотрю расписание. На Сестрорецк - последняя в 23.10, первая - в 5.15 утра. Неужели до утра на Сестрорецк ничего не будет? Стучу в закрытое окошко кассы, задаю дурацкий вопрос:

— - Что, на Сестрорецк больше не будет электричек?

— Недовольным, заспанным уже голосом тётка спрашивает меня:

— - Читать, что ли, не умеешь?

— - Ясно. А сколько километров до Сестрорецка?

— - Семь, - и окошко захлопнулось.

— Семь - так семь. Надо идти, что же ещё остаётся делать? Где-то тут дорога проходит шоссе, но не помню - где, и спросить некого. А, не буду время терять, пойду прямо по шпалам, там уж не заблудишься.

— По шпалам-то по шпалам, да только шпалы снегом засыпаны до верха рельсов. И неглубоко вроде бы, а идти всё равно неудобно, ноги проваливаются. Сошёл с насыпи на тропу, что шла рядом, пошёл по ней. Собаки облаивают из каждого прижелезнодорожного двора. Но вот кончились последние белоостровские дачи, а с ними кончилась и тропа. Я снова забрался на насыпь и приспособился идти по свеженасыпанному с краю и смерзшемуся щебню.

— А мороз - тридцать градусов, как и все эти дни по ночам в Ленинграде. Правда, абсолютно безветренно, и с опущенными ушами шапки холода не чувствуется. Полная луна заливает всё вокруг серо-голубым светом, видимость отличная. Иду я бодро, наслаждаюсь прогулкой, раз уж пришлось её совершать. Вот только две встречные электрички дважды сгоняли меня с насыпи в снег, доходивший чуть ли не пояса.

— Первые километра два от Белоострова железная дорога идёт лесом, который тянется и слева, и справа. Но вот слева лес кончился, началось открытое чуть ли не до самого горизонта пространство, переходящее, судя по всему, в озеро Разлив. А впереди показались уже огни Сестрорецка, вон и труба дымит завода имени Воскова. Да вот только железная дорога идёт не на эти огни, а плавной дугой заворачивает вправо, к Курорту, вплотную подходя к Финскому заливу, и лишь потом снова загибается влево к Сестрорецку.

— А ведь где-то здесь шоссе проходит, которое ведёт напрямки в Сестрорецк, не затрагивая Курорта. И похоже, что идёт оно за узкой полосой посадок, что тянется слева от железной дороги метрах в ста от неё или даже ближе. Я стал чаще поглядывать в ту сторону: не появятся ли огни автомашин? Не видно, но и время-то уже второй час ночи.

— Наконец, я решился - ринулся через снега напрямую к посадкам. Очень глубоким снег оказался только у самой насыпи, где он задерживался. А дальше, на открытом месте снегу было лишь чуть выше колена. Но идти было всё равно трудно, тем более что я волочил свой огромный чёрный командировочный портфель. Но вот я добрался до посадок. Сразу за ними шла накатанная лыжня, а дороги видно не было.

— Я немного прошёл по лыжне - не держит, ноги проваливаются, лучше уж по шпалам. Но дорога же где-то тут недалеко! Я решительно свернул с лыжни влево и снова начал месить снежную целину, двигаясь перпендикулярно лыжне и железной дороге. Пробрёл метров пятьдесят - шоссе не видать, ровное чистое снежное поле передо мной отражает лунный свет, справа - огни Сестрорецка. И тут я сдался. Ну его к чёртовой

матери, это шоссе. Пока доберусь до него по этому снегу, все силы потеряю. Пойду уж по железной дороге, с пути не сойду, по крайней мере.

—И я по своим же следам проделал весь путь обратно до насыпи, влез на неё, вытряхнул снег из ботинок, хорошо, что он сухой из-за мороза, даже в ботинках не успел растаять, и продолжил свой путь по железной дороге, упорно отворачивавшей от Сестрорецка вправо. Зря я всё-таки не пробился к шоссе, совсем немного, наверное, осталось. Мне стало стыдно за своё малодушие.

—И вдруг я разглядел, что впереди железную дорогу пересекает мост над ней. Это же шоссе! Тут только я сообразил, что зря искал его слева. Оно шло справа от железной дороги за лесом и лишь впереди, по этому мосту переходило на левую сторону. Так что всю ночь мог бы снег в чистом поле месить, двигаясь не к шоссе, а от него. Ну, ладно, зато теперь-то уж я точно по шоссе к Сестрорецку пошлёпаю, чего мне в Курорте делать!

—А сзади тем временем показался догоняющий меня попутный поезд - товарный состав. Луч его прожектора бил далеко вперёд, разрезая прозрачный тёмно-синий воздух. Не желая опять залезать в глубокий снег, я решил раньше поезда добежать до моста через железную дорогу, где мне всё равно предстояло сойти с неё. И я припустился бегом. Интересно было бы посмотреть на эту картину со стороны: глубокой морозной лунной ночью вдали от населённых пунктов по шпалам бежит мужик в очках с портфелем, а сзади его товарный поезд нагоняет. Озадачил я, пожалуй, машиниста!

—Опередить поезд мне, однако, не удалось и пришлось уступить ему дорогу, ещё не добравшись до моста. Когда нескончаемая прорва товарных вагонов прогремела, наконец, мимо меня, я двинулся дальше и подошёл к шоссейному мосту. Но как выбраться, точнее, забраться на шоссе? Прямо вверх по склону насыпи? Высоко и круто, ухватиться не за что. Идти по низу вдоль шоссейной насыпи до тех пор, пока она не понизится? Далеко идти, а снегу по пояс.

—Я выбрал первый вариант. Последнее испытание в эту ночь! Особенно тяжело давались последние метры, где я карабкался на четвереньках, то и дело соскальзывая вниз, да ещё этот портфель чёртов!

—Вылезал я под фонарный столб, а от него из под снега торчали концы каких-то проводов - то ли ухватиться за них для последнего рывка, то ли, наоборот, держаться подальше? Я решил на всякий случай их оползти, на что понадобились дополнительные усилия, но вот, наконец, я наверху, вот она - шоссейная дорога!

—Ну, а по ней-то я до Сестрорецка как птичка долетел, вытряхнув предварительно в очередной раз снег из ботинок. В два часа - начале третьего я был дома, потратив на прогулку чуть более полутора часов. Бургвицы, конечно, не спали.

—- Теперь ясно, в кого у тебя дочь такая непутёвая! - сказала мне тётя Тамара. - Это ты по болотам лазил, туда только зимой и можно пробраться, а так топь там непроходимая.

—Зато дядю Вову я обрадовал фотографиями и конвертами со спецгашениями Звёздного городка и автографами космонавтов, которые я специально для него выпросил у Авакяна.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыбакова-любителя"](#)